

УДК 808.5 + 087.5

СУБСТАНДАРТНАЯ ЛЕКСИКА В ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

© 2010 г.

Е.В. Хабибуллина

Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет, Казань

ffo@tggpu.ru

Поступила в редакцию 13.04.2010

Изучение субстандартной лексики в произведениях современной художественной литературы убеждает в том, что цели включения этих лексем не ограничиваются стилизацией речи персонажей. Субстандартные лексемы могут выполнять паролльную функцию, способствовать достижению комического эффекта, быть приметой эпохи.

Ключевые слова: субстандартная лексика, стилистический прием, детская литература.

Изучение субстандартной лексики русского языка не теряет научной актуальности и ведется в разных направлениях. Естественно, главенствующим является обращение к современному состоянию и функционированию субстандарта, однако диахронический аспект также не остается без внимания (работы М.А. Грачёва, В.А. Саляева и др.). Количество словарей субстандартной лексики увеличивается, при этом источником словарей современного городского просторечия, молодежного жаргона и пр. остается живая речь. Если же лексикографическое описание обращено к прошлому состоянию социальных диалектов (например, «Словарь русского школьного жаргона» О.А. Анищенко), то единственным надежным источником становится речь письменная – мемуары, письма и произведения художественной литературы.

Художественная литература – один из важных источников, к которому обращаются лингвисты в процессе изучения субстандартных языковых единиц. В частности, использование слова как арготизма или жаргонизма при наличии соответствующих авторских указаний может являться критерием его включения в словарь социальных диалектов. Язык художественных произведений современности активно отражает такую тенденцию, как проникновение социально маркированных элементов в разговорную речь; в этом отношении актуальным становится выявление субстандартных лексем, расширяющих сферу своего употребления и меняющих стилистическую окраску. Субстандартная лексика является одним из ярких стилистических средств, и необходимо всестороннее изучение причин, побуждающих авторов обращаться к использованию этого средства. Актуальным остается вопрос об уместности и этичности употребле-

ния нелитературных элементов в языке художественных произведений.

Язык детской литературы как особое явление достаточно редко становится объектом внимания исследователей. Соответственно, вопрос об использовании арготической и жаргонной лексики в современных художественных произведениях для детей и юношества остается сегодня малоразработанным. Не получает освещения вопрос о том, какие именно функции субстандартных единиц здесь реализуются, в чем состоит специфика включения этих элементов в данные тексты. Не проводился сравнительно-сопоставительный анализ употребления субстандартных единиц в текстах детской литературы в зависимости от жанровой принадлежности произведений, от времени их создания.

Роль детской литературы в формировании отношения к родному языку остается весьма значительной, а поэтому любое включение нелитературных элементов в произведения для детей должно быть оправданным стилистическими целями и задачами, а не диктоваться сомнительной модой. Таким образом, вопрос об уместности и этичности включения субстандартных единиц применительно к детской художественной литературе является вдвойне актуальным. В данной статье мы обращаемся к такому жанру детской литературы, как сказка, и рассматриваем *функции субстандарта в тексте сказки* на примере речи персонажей.

В произведениях этого жанра автор, с одной стороны, описывает некий фантастический мир, герои и события которого не могут существовать в реальности, с другой стороны, в описании этого мира обнаруживаются черты авторского видения действительности. Как бы фантастична ни была история, какие бы диковинные герои здесь ни появлялись, автор выводит свои

представления о сущности человека, о взаимоотношениях между людьми, о положительном и отрицательном и т.д., и поэтому его герои думают, разговаривают, вступают в контакты, иногда перерастающие в конфликты так, как это делали бы обычные люди. В языке сказки эта двойственность также находит отражение: с одной стороны, отбор языковых средств ведется с ориентацией на оригинальность, с другой – является средством типизации. Оригинальность, экзотичность может создаваться, прежде всего, за счет использования окказионализмов, типизация – за счет узуальных языковых средств.

Субстандартные единицы способны воплощать в тексте сказки оба эти направления, но в большей мере являются средством типизации. В первую очередь, они выступают как своего рода «опознавательный знак», деля героев на положительных и отрицательных. Частотный стилистический прием детских писателей – включать в речь отрицательных героев сниженную лексику, кем бы эти персонажи ни были – животные, люди, фантастические существа.

1) *Потом он [волк-оборотень] перестал причитать и хриплым голосом произнес:*

– Не надо было мне в кладовой мясо с чесноком жрать. Очень даже нюх отбивает.

– А я кетчупом обожрался, – признался другой волк (К. Булычёв, Вампир Полумрак);

2) *Ага! – с грубым сарказмом в голосе пропрыгал Горыныч. – Как награды раздавать или добычу делить, так Горыныч подвинься, птицам деньги не нужны, а как в штаны наложили с перепугу, так Горыныч выручай! Подь отсюда. (А. Бубнов, И не сказка, да и не быть...).*

В речь таких персонажей обычно включают инвективы.

– Идет к башне! – подозрительно сказал один из стражников.

– Не человек, черепаха! – отрывисто возразил другой.

– Мерзкая черепаха!

– Пусть ползет, старая образина! (С.Л. Прокофьева, Принцесса Астрель и хранитель леса).

Подобные элементы используются как для выражения эмоций в связи с поведением собеседника, так и в комментариях действий героев, не принимающих в данный момент участия в речи. Подчеркивается общий негативный настрой отрицательных героев, их неприязненное отношение ко всему окружающему, например: *Я тебе не какой-нибудь Дурбан. Этот громил только и может, что кулаками махать. Дуби-*

на стоеросовая, деревенщина необразованная... (С. Сухинов, Академик Парцеллиус).

При этом персонажи способны осознавать, что такое речевое поведение может разоблачить их, поэтому в случае необходимости стараются избегать грубых слов и выражений:

– Ты настоящая леди Мяу! – одобрительно кивнул Разбойник. – Тебе надо только научиться хорошим манерам и забыть про селедочные головы. А я отныне – барон Обиралло – мастер кладов.

– Вы настоящий барон! – с восхищением сказала кошка. – Клянусь куриными потрохами!

– Забудь эти помоечные словечки! – поморщился барон (С.Л. Прокофьева, Г.В. Сапгир «Кот в сапогах ищет клад»).

От других такие герои требуют соблюдения речевого этикета, оставляя право на употребление бранных слов за собой: *– Поосторожнее со словами, старик, – надвинулся на него Мандигор. <...> – Будь вежлив, старый хрыч, если хочешь жить! (Н.В. Щерба, Астроградов клоч).*

Использование субстандартной лексики как приметы речи людей, отличающихся низким моральным уровнем, ребенком-читателем воспринимается достаточно органично; его небольшой жизненный опыт обычно уже содержит сведения о том, что грубая речь – признак опасного человека и свидетельство недопустимого поведения. Следовательно, обращение к подобному приёму не требует от автора обязательной мотивации. Случаи, когда субстандартные единицы используются в речи положительных героев, можно определить как средство индивидуализации героя, в частности для создания образа персонажа, скрывающего свою доброту за внешней суровостью, например: *– Ах ты, притворяла! – обрушилась на него Барбацуца. – Никакой сырости у этой совести! Ох, мозги врозь! Никакой совести у этой сырости. И эта лягушка небось не кормлена. <...> – Тьфу! Эй, вы! Все до одного! Живо марш за мухами! (С.Л. Прокофьева, Лоскутик и облако).*

Обращение героев к грубой лексике с целью скрыть свои чувства может специально оговариваться автором, так он подчеркивает необычный характер общения:

– Мальтузиа, – сказал он. – Это ты, старая карга?

– Ах, это я, сынок, – ответила молодая красивая хозяйка фермы по разведению звездных псов. – Где тебя черти носили?

Так Бакиртир всегда разговаривал с хозяйкой фермы, потому что они любили друг друга, но

стеснялись в этом признаться (К. Булычёв, Заколдованный король).

Иногда стилистически маркированные единицы, употребленные положительным персонажем, теряют негативную оценочность:

— Дедушка меня зовет *Михрюткой!* — ответил я.

— А что значит «*Михрютка?*» — заинтересовался Буратино...

— *Михрюткой* зовется неудачливый, неуклюжий человек. Дедушка меня так назвал, когда я разбил его любимую чашку и ревел потом полчаса. (А. Якубенко, Волшебные Перья Арахиса).

Значение субстандартного слова *михрютка* в словаре Даля демонстрирует наличие отрицательной коннотации: **МИХРЮТКА** – об. ниж.-сем. домосед, бирюк, мистрюк, нелюдим. | михрюта, михрюк пск. твер. неловкий, неуклюжий человек. Здесь автором подмечена интересная деталь семейного общения: употребленное не для оскорбления, а для выражения любовно-снисходительного порицания слово, изначально имеющее негативную оценочность, воспринимается ребенком не только без обиды, но даже с удовольствием. В обществе подобное словоупотребление не поощряется, так как считается непедagogичным, неэтичным, хотя нередко является способом, применяемым взрослыми членами семьи для маскировки своей любви к ребенку. Следовательно, использование субстандартной лексики в речи положительных героев также представляет собой способ индивидуализации персонажа.

Включение субстандартных единиц в художественные тексты – средство стилизации речи персонажей, принадлежащих к определенным социальным и возрастным группам. В сказке, несмотря на ирреальность происходящего, соблюдается этот принцип. Так, подобные элементы достаточно регулярно встречаются в речи персонажей-подростков, причем особенно часто – в произведениях более поздних лет это средство используется более активно, являясь приметой речи как мальчиков, так и девочек:

— *Работает, – радостно танцует, закричала Сонька. – Я сразу догадалась, когда ты вытащила жвачку. Ко мне одна такая прилепилась, так я целый день ее отгрызала. А когда еще нагреется, вот такая же чума получается, – и, повернувшись к стене, она начала корчить рожи и дразниться, – Бе-бе-бе-е.*

— *У меня такая же фигня была, когда я села на нее в школе, – любуясь этой картиной, сказала Катя – Ну что, пойдём, а то Кнопа заждалась.* (В.Ханин, В трех шагах от сказки).

Ср. также: — *А я фанатка группы «Три пингвина». У них солисты три чокнутых пингвина и один классный белый медведь! Я от них тащусь!* (Д. Емец, Ловушка для Кашея).

Как свидетельство укорененности мысли о том, что употребление субстандартной лексики характерно для подростка, можно оценивать появление ее в контекстах с несобственно-прямой речью персонажей:

По спине промчался батальон мелких тварей. Одна из них походя куснула за хребет. Димка, не раскрывая глаз, меланхолично зачесался. Он уже привык к этим блошиным набегам. Больно кусаются, заразы... (К.Г. Сомов, Бигль по имени Димка).

Выявленная нами в речи героев сказок лексика в основном представляет собой просторечные и наиболее распространенные сленговые слова, обилия жаргонных слов не наблюдается; более того, оно может стать предметом иронии автора: *Его место заняла жгучая блондинка в кимоно. Она позволила себе усомниться в эрудиции фломастера. «Ты продвинутый чувак?» – блондинка решила разговаривать без посредников. «Куда продвинутый?» – не понял фломастер. «Ну, ты можешь охмурить предков?» – уточнила она. «У меня нет предков, – с независимым видом ответил фломастер. – Я уникальный»* (М.Д. Соколова, Говорящий фломастер).

Если попытаться охарактеризовать возрастную и социальную статус взрослых персонажей сказок, употребляющих стилистически маркированную лексику, то можно констатировать следующее. Половая принадлежность в данном случае не является определяющим фактором, но возраст может иметь значение – большинство персонажей женского пола достаточно немалоды. Социальный статус персонажей мужского пола разнообразен – пенсионеры, королевские стражники (преобладают), мастеровые; женщины преимущественно служанки или домохозяйки.

Как мы уже упоминали ранее, фантастические существа, наделенные авторами речью, нередко тоже не обходятся без субстандартных единиц: кикиморы, Баба-яга, Кошей, джинны – естественно, персонажи, заимствованные из русского фольклора в этом отношении предоставляют более богатый материал.

Детская сказка, в отличие от других жанров, в основном всегда была свободна от лексики деклассированных элементов. О том, что эта тенденция сохраняется, может, например, свидетельствовать сказка Э. Успенского «Неприятности в Простоквашино»: несмотря на то что

одним из действующих лиц является вор-рецидивист, автор в своем произведении обходится без воровского аргю. Однако на сайте lib.rus.ec среди детских сказок нами обнаружены «Новые сказки о старом» Елены Навроцкой, в которых можно встретить следующие фразы: *Выглянул Кощей, увидел перед собой Макклауда, затрясся от страха и говорит: – Братаны, вы хоть бы стрелку набили, что ли? Отдам я вашу Василису, нафига она мне нужна, в натуре?*

К сожалению, нет никаких указаний на то, действительно ли автором это произведение задумывалось как детское чтение, но надеемся, что оно оказалось в данном списке по ошибке.

Здесь нами представлен первый опыт анализа функций субстандартной лексики в детской литературе, исследование будет продолжено: в поле нашего зрения не только речь персонажей, но и речь автора, будут рассмотрены произведения и других жанров детской литературы.

SUBSTANDARD VOCABULARY IN CHILDREN'S LITERATURE

E.V. Khabibullina

The studies of substandard vocabulary in the works of contemporary literature convince us that the purpose of including these elements is not limited to the rendering of the characters' stylized speech. Substandard lexemes can perform a password function, contribute to a comic effect, they can also be a sign of the times.

Keywords: substandard vocabulary, stylistic device, children's literature.